

США - гегемон до середины XXI века

Известно, что Россия на официальном уровне отстаивает тезис о многополярности мира как более продуктивном и стабильном миропорядке. Известно также и то, что аналогичный тезис декларируется и официальным Пекином. Многие аналитики и политики справедливо усматривают в этом тезисе о многополярном мире идею антиамериканизма. Психологически это понять можно, поскольку России, в недавнем прошлом в качестве СССР, занимавшей статус сверхдержавы, весьма неуютно чувствовать себя на второстепенных ролях в мировой политике. Китай в силу объективных причин на данный момент также заинтересован в многополярности, поскольку пока он не обладает потенциалом для претензий на сверхдержавность.

Как идея - концепция многополярности, может быть, и не плоха. Но если исходить из реальности, то необходимо признать, что в нынешнем мире есть одна сверхдержава - США, и этот статус они сохраняют до середины следующего века. Этот тезис можно было бы подтвердить рядом цифр из любой сферы международной политики. Но на этот тезис, если можно так выразиться, работает и Теория длинных циклов, разработанная рядом американских теоретиков, прежде всего Дж. Модельским и У. Томпсоном.

Я не собираюсь подробно останавливаться на данной теории[i]. Напомню только, что ее сторонники исходят из периодичной смены исторического глобального процесса каждые 500 лет, в рамках которого столь же периодически меняются фазы политического цикла каждые 120 лет. Некоторые теоретики, как например, Терри Босуэлл, добавляют к этим фазам еще волны Кондратьева (это 60 летние экономические циклы), чтобы учесть динамику изменения экономических процессов. На основе анализа всех этих фаз и циклов определяются и прогнозируются страны-гегемоны на тот или иной период.

В соответствии с Теорией длинных циклов с 1945 г. на статус политического лидера стали претендовать США, которым бросил вызов на соперничество Советский Союз. В силу множества причин (названные теоретики главным образом при этом указывают на "морскую державность" США) СССР проиграл борьбу за гегемонию. США выиграли. И в качестве единственного лидера или гегемона они доживут до середины следующего века. В соответствии с этой теорией в начале следующего XXI века

появится новый субъект мировой политики, который начнет оспаривать гегемонию США. Если следовать логике данной теории, то новый центр силы должен заменить США к середине XXI века. Такая перспектива, видимо, не радует американских теоретиков, и они из этой ситуации выкручиваются любопытным способом. Они считают, что вместо нового гегемона появится нечто вроде мирового правительства, которое и будет решать всемирные проблемы на основе справедливости и т.д.

Хотя я лично не являюсь сторонником Теории длинных волн (на мой взгляд, в ней много заидеологизированных моментов с позиции англо-американского центризма), тем не менее, я согласен в главном: в мировой истории все время шла борьба за гегемонию. У меня нет оснований считать, что XXI век станет мудрее предыдущих веков, несмотря на всевозможные революции в области знаний. Эта борьба за гегемонию, на мой взгляд, будет продолжаться и в XXI веке.

Конечно же, функции американского лидерства так или иначе будут ограничиваться и объективно сужаться. Однако это не приведет к складыванию многополярной структуры в виде государственных центров, скажем, США, Японии, Германии, КНР и России[ii]. Причина простая: для того, чтобы занять место “полюса” или центра необходимо обладать потенциалом “сверхдержавы”, т.е. таким экономическим потенциалом, военной силой и политическим влиянием, чтобы все названные составляющие одновременно ощущались международной средой в любой точке земного шара. Ни одно из перечисленных государств, за исключением США, таким набором “сверхдержавности” на данный момент не обладает. Потенциально же все названные качества могут приобрести только Россия и КНР. В силу множества причин наибольшие шансы стать такой “сверхдержавой” имеет именно Китай, географически расположенный в центре Восточной Азии.

Возвышение Китая

Известно, что китайские планы реформ распространяются до 2050 года, а начались они в начале 80 г., т.е. в какой-то степени цикл реформ соответствует волнам Кондратьева. После завершения этого цикла КНР станет, как минимум, второй экономической державой, а некоторые аналитики предполагают, что и первой, если исходить из абсолютных макропоказателей.

Что дает основание для подобных прогнозов?

Прежде всего, динамика экономического развития за последние 20 лет. А она такова[iii].

Валовой внутренний продукт. ВВП КНР вырос с 362,41 млрд юаней в 1978 г. до 7 477,24 млрд юаней в 1997 г., т.е. более чем в 20 раз, а в постоянных ценах почти в пять раз. Переведенные по официальному обменному курсу в доллары ВВП КНР будет соответствовать 902 млрд долл, это - 7-е место в мире после США, Японии, Германии, Франции, Англии и Италии.

Экономика в целом развивалась темпами 9,8% в год между 1979-1997 гг., что на 6,5% выше среднемировых темпов роста, на 7,3% выше темпов роста развитых государств и на 4,8% - развивающихся государств. Китайские темпы превосходили темпы развития экономики даже азиатских "тигров" как Сингапур, КР, Тайвань и Малайзия на 1,9-3,5%.

Некоторые виды промышленного производства. В 1978 г. и в 1997 г. Китай производил стали 32 и 109 млн т, угля - 618 и 1,370 млн т, цемента - 65 и 510 млн т. электроэнергии - 256 (7-е место в мире) и 1,100 млрд кв час (2-е место).

Внешняя торговля. Общий объем внешней торговли за период с 1978 по 1997 гг. вырос с 20,64 млрд долл до 325,06 млрд долл, передвинув КНР по данному показателю с 27 на 10 место.

Резервы иностранной валюты. В 1978 г. Китай владел резервами в сумме 167 млн долл, в 1997 г. она скачкообразно выросла до 139,9 млрд долл (второе место в мире). К этому надо добавить, что аналогичные резервы Гонконга составляют 92,8 млрд долл (третье место в мире).

Привлечение иностранного капитала. Движение иностранного капитала стало ощущаться только со второй половины 80-х годов, и его общая сумма достигла 348,35 млрд долл в 1997 г. (из них прямые инвестиции - около 220 млрд долл). В 1998 г. правительство утвердило 20 тыс. проектов с участием иностранного капитала и подписало контрактов на сумму 52,2 млрд долл. Прямые инвестиции составляли 45,6 млрд долл[iv]. По данному показателю Китай занимает первое место среди развивающихся государств и второе - среди развитых (на первом стоят США). Надо

при этом иметь в виду, что 70% всего иностранного капитала приходится на специальный административный район (САР) Гонконг и Тайвань.

Уровень жизни. Уровень потребления китайцев за последние 20 лет рос на 7,3% ежегодно. Тем не менее, ВВП на душу населения составил в 1997 г. 733 долл. Это значительно ниже уровня развитых и индустриализующихся государств.

Международные позиции КНР по некоторым макроиндикаторам

	ВВП	Уголь, одежда	Сталь, цемент, хлопок, мясо, зерновые, рапс, телевизоры	Эл-во	Хим. удоб.	Сырая нефть	Внешняя торговля	Резервы ин. валюты	Ин. капитал
1978		1	2-16	7	4	8	27		
1997	7	1	1	2	2	5	10	2	2

Такова динамика экономического развития Китая. В результате, в настоящее время, на начало 1999 г., Китай занял по главному агрегативному показателю – ВВП - 7-е место в мире (для информации: Россия занимала 12-е место).

Надо иметь в виду, что многие предпочитают использовать категорию РПС-РРР (реальная покупательная способность – purchasing-power parity). При таком варианте подсчета ВВП КНР сразу подскакивает почти до 3 трлн долл, и тогда Китай становится 2-й экономической державой мира с 1995 г. Один из авторов, со ссылкой на американские источники пишет, что “ВВП КНР в 1987 г. (?) составлял 97% от ВВП США.... Сейчас китайский ВВП вдвое больше американского”[v].

Чтобы больше не возвращаться к методике РПС, надо учитывать следующее. Во-первых, Мировой банк начал пользоваться этой методикой, главным образом, из-за КНР, чтобы “показать”, что Китай не “развивающаяся страна”, а вполне развитая, и потому ей не полагается соответствующих льгот при займах и прочих аналогичных вспомоществований. Во-вторых, и это более важно, РПС имеет значение с точки зрения внутривалютной стабильности, поскольку эта категория хорошо отражает уровень жизни в стране. Другими словами, эта категория является полезной для

анализа других проблем. В международном плане имеет значение “номинальная масса”, отражающая сравнительное место экономического потенциала страны.

Китай по данному индикатору занимает, повторяю, ныне 7-е место в мире. По прогнозам, сделанным, в том числе специалистом по сравнительной экономике Ангусом Мэддисоном, даже при снижении ежегодного темпа роста ВВП до 5,5%, ВВП КНР достигнет уровня ВВП США в 2015 г.[vi] Это означает, что если в начале реформ, с 1978 г., ВВП Китая составлял 5% от мирового ВВП, а в 1998 г. - 10%, то к 2015 г. он достигнет 17% мирового ВВП[vii].

К ВВП КНР необходимо добавить и ВВП Гонконга, а также ВВП Макао, который в 1999 г. “соединится” с материком. Плюс совокупный экономический потенциал хуацяо в ЮВА, который, по разным подсчетам, составляет от 550 до 700 млрд долл. При таком добавлении, имея в виду при этом динамику их роста за последующие 15 лет, можно предположить, что общая совокупная китайская доля в мировом ВВП будет равна порядка 22-25% (нынешняя доля США). Совершенно очевидно, что такая доля соответствует уровню сверхдержавы.

Наращивание экономической мощи КНР даже при указанном сокращении темпов экономического развития может превратить эту державу в ядро панкитайского анклава, интеграционно связанного на первых порах со всеми странами АСЕАН, где сильны позиции хуацяо. На следующем этапе существует большая вероятность интеграционной увязки этого анклава с экономиками двух Корей. А в дальней перспективе, не исключено, и с Японией.

Противниками подобной панкитайской интеграции по естественным причинам являются США и Япония, откровенно добивающиеся “открытой интеграции АТР”, например, в рамках АТЭС[viii]. И хотя на данный момент Пекин, заинтересованный в иностранных инвестициях и во внешнеторговых связях с теми же США и Японией, не возражает против “открытой интеграции”, но со временем, по мере складывания интеграционной зоны вокруг Китая, он вынужден будет предпринять меры по защите интеграционного комплекса, в том числе и с использованием военных инструментов политики. И в этом вопросе не надо питать никаких иллюзий.

Надо просто учитывать некоторые законы международных отношений. Любой складывающийся интеграционный экономический комплекс порождает два

взаимосвязанных явления: бурный экономический рост и стремление защитить экономические интересы военными средствами. Этот тезис наглядно подтверждается системами военной защиты в Европе (НАТО - Общий рынок) и в Северной Америке (механизм американо-канадского военного сотрудничества - НАФТА). Не является исключением и Китай. Совершенно естественно, что он будет наращивать свой военный потенциал в соответствии со своими военными программами и доктриной национальной безопасности[ix]. Именно на это и нацелена программа модернизации военного потенциала КНР, в которой упор делается на ядерно-стратегическое оружие и ВМС[x]. Безусловно, темпы и масштабы военного строительства будут зависеть не только от внутренних ресурсов страны, но и общего контекста международной обстановки. Но как бы там ни было, военный потенциал КНР, по прогнозам тех же американцев, может оказаться сопоставимым с потенциалом США к середине XXI века[xi].

В любом случае КНР превращается в полноправного участника геостратегической игры в XXI веке по масштабам, адекватным значимости США.

Хорошо это или плохо? Ответ на этот вопрос зависит от идеологической позиции ответчика. Российские демократы, уповающие на торжество капитализма в России и, следовательно, экономически, политически и идеологически ориентирующиеся на Запад, однозначно отвечают: плохо. Плохо, дескать, не только для мира, но и для России. Некоторые, как, например, А.Д. Богатуров, даже предлагают некие варианты “мягкого сдерживания” КНР при опоре “на поддержку США и их партнеров”, поскольку Китай “потенциально остается источником самой серьезной геополитической опасности для России”[xii].

Российские ученые левой ориентации, наоборот, в возвышении Китая видят возможность формирования антиамериканского фронта, исходя из стратегических противоречий между КНР и США. В таком ключе, например, пишет известный китаист А.Г. Яковлев[xiii].

У меня нет, однако, намерений, в данной статье анализировать различные подходы российских ученых. Это будет сделано в другом месте. Здесь же уместнее будет остановиться на реакции американцев, поскольку такой ход событий, прежде всего, затрагивает великодержавный статус именно США.

Реакция США на возвышение КНР

Среди американских ученых также нет однозначной позиции относительно будущей роли КНР на международной арене. Есть немало ученых, которые допускают вероятность превращения Китая в сверхдержаву. Не меньше и тех, кто скептически относится к возвышению “тигра”. Аргументами у них являются фиксация множества проблем в КНР, которые, как они надеются, не позволят этой стране “дотянуть” до статуса сверхдержавы. В принципе и оптимисты, и пессимисты правы, каждый по-своему.

Действительно, если существующие в Китае проблемы примут характер острых противоречий, например, между городом и деревней, богатыми и бедными, центром и провинциями, а самое главное, между социалистической надстройкой и смешанным базисом, то может произойти резкая дестабилизация внутри страны, которая приведет ее к коллапсу, аналогичному российскому. Если же китайское руководство сумеет разрешить существующие противоречия, тогда окажутся правы оптимисты поневоле (“поневоле” потому, что их также не радует вероятность возвышения КНР).

Но американские ученые и политики тем и отличаются, скажем, от российских ученых и политиков, что они просчитывают как “худшие” (возвышение Китая), так и “лучшие” (коллапс реформ) сценарии, так сказать, надеясь на “лучшее”, но готовясь и к “худшему”. Американцев отличает еще одна уникальная черта: они не полагаются на объективные законы и закономерности международных отношений (например, закономерность смены структур: гегемония - многополярность - биполярность). Они как истые мичуринцы “не ждут милостей от природы”, а стремятся эту природу изменить в соответствии с собственными национальными интересами, не заботясь при этом об интересах других стран или народов.

Здесь я хочу сконцентрироваться на взглядах оптимистов, точнее, какие последствия они видят в возвышении КНР для интересов США и какую политику в этой связи они должны проводить[xiv].

В Докладе “Стратегические оценки”, ежегодно публикуемом Университетом национальной обороны США[xv], сразу же утверждается, что КНР “стремится стать глобальной сверхдержавой” и распространить “свое влияние по всему земному шару”. Подобные устремления Пекина являются вызовом для США и их союзников, поскольку

в основе стратегии Китая лежит “национализм”, к тому же, по мнению авторов, китайские лидеры играют в игру с “нулевой суммой” (т.е. выигрыш одного означает проигрыш другого).

Авторы выделяют три зоны непосредственного столкновения интересов между США и КНР. Первая связана с неизбежным устремлением КНР в районы Среднего и Ближнего Востока “за нефтью” вследствие скачкообразного роста энергопотребления экономикой Китая. Это приведет к конфронтации с уже обосновавшимися в этом районе США, Японией и другими индустриальными державами. К этому прогнозу можно добавить еще одну зону потенциальных противоречий между КНР и Западом из-за той же самой нефти и газа. Это - район Прикаспия и Средней Азии.

Следующую зону конфликта, по мнению авторов, формирует политика “многополярности”, которую осуществляет Пекин. Ее суть заключается в стимулировании появления новых центров политики и усиления старых центров, что в купе как бы снижает сверхдержавное значение американского центра. Ее проявлением являются попытки “дискредитировать” систему американо-японской безопасности, ослабить военные связи США со странами АСЕАН, укрепить “стратегическое партнерство” с Россией и странами Центральной Азии, усилить экономические отношения с Европой, Ближним Востоком, особенно с Ираном, и Африкой.

Наконец, третьей очевидной зоной столкновения является Тайваньская проблема.

Авторы оценок, признавая большие возможности Китая в деле экономического развития, вместе с тем не видят оснований для беспокойства по этому поводу вследствие скромного военно-стратегического потенциала КНР, возможности которого качественно не изменятся и к 2010 г. (В скобках следует напомнить, что по военно-стратегическому потенциалу КНР занимает 3-е место в мире после США и РФ). Отсюда делается вывод о том, что между КНР и США вряд ли произойдет военный конфликт до 2006 г. и даже до 2016 г. Однако за пределами этого периода уже однозначной ясности нет, поэтому “необходимо сделать все возможное, чтобы отвратить Китай от военно-стратегического соперничества с США”. Это возможно на путях вовлечения КНР в диалоги по всему спектру международных проблем, как на двусторонней, так и многосторонней основе. То есть предлагается та

же политика “вовлечения”, которую и осуществляет нынешняя администрация Клинтона.

Под эгидой Университета национальной обороны существует Институт исследования национальной стратегии, публикации которого утверждаются президентом Университета (в настоящее время им является генерал-лейтенант Эрвин Дж Рокки /Ervin J. Rokke/). Оба этих учреждения тесно связаны с Пентагоном и другими внешнеполитическими ведомствами США. Поэтому сотрудники Университета и Института (зачастую это одни и те же люди) могут оказывать непосредственное влияние на действующих политиков и военных.

В 1998 г. Институт опубликовал книгу, в которой собраны выступления на одной из конференций, специально посвященной Китаю[xvi]. Участниками этой конференции был весь цвет американской китаистики, имена которых знает (или, по крайней мере, должен знать) китаевед любой страны (Н. Ларди, К. Нилер, Дж. Лилли, Р. Соломон, Р. Фишер, П. Годвин, М. Пилсбери, М. Нахт, Т. Робинсон и др.).

Все они убеждены в неизбежном усилении Китая, что, по их мнению, может оказать негативное воздействие на “национальную безопасность” США. Этот тезис обосновывается серией аргументов, в частности, бывшим послом США в Пекине Дж. Лилли. Ход его рассуждений следующий.

Он полагает, что несмотря на официальную риторику Пекина (“не претендовать на гегемонию”, “выступить против политики силы”, “не вмешиваться во внутренние дела других стран”), в реальности Китай вовлечен в глобальную шахматную игру от Персидского залива до Корейского полуострова. Следовательно, китайская “зона активной обороны” затрагивает интересы США, что делает столкновение между державами неизбежным. Сама концепция “активной обороны” в изложении китайского генерала Ли Дзидзюня (Li Jijun) перед слушателями Национального военного колледжа США в изложении Лилли означает следующее: “<Активная оборона> включает стратегию ограниченной, высокотехничной войны со слабыми соседями на китайской периферии, особенно на прибрежной периферии. Интегральной частью этой стратегии является установление оборонной зоны вокруг центра (сердца) Китая, цепи островов и периметра, распространяющейся от островов Спратли, через Тайвань и острова Сэнкаку и заканчивающийся на севере Кореи. Внутри этой “зоны активной

обороны” Китай планирует стать доминирующей державой”. Последнее, думаю, Лилли прибавил сам.

Со ссылкой на М. Пилсбери Лилли подчеркивает, что реализация китайской стратегии вполне может предусматривать атаки на американские спутники, платформы для “Стелс” и на авианосцы. Такая стратегия означает кардинальное изменение в китайской истории и стратегической мысли, означающее переконцентрацию внимания с материкового врага (имеется в виду враги с Севера) на морских врагов (намек на морскую державу, т.е. США).

В этой связи Лилли предлагает видоизменить официальную политику “вовлеченности” Китая на политику “балансирования между вовлеченностью и сдерживанием”. (Весьма кардинальное видоизменение в преддверии возвышения КНР). Последнее предполагает наращивание военных сил США в регионе ВА, включая размещение систем ПРО, против чего выступает Пекин. Самое же примечательное в следующем абзаце. “Соединенные Штаты должны сделать все, чтобы стимулировать перефокусировку внимания Китая с морей на внутренний азиатский хартланд. Если политика США окажется успешной и Китай снизит уровень своих ожиданий, связанных с морской стратегией, это восстановит традиционные источники благосостояния и угроз во внутренней Азии”.

Если отбросить словесную эквилибристику, присущую американскому дипломату, то окажется, что он всего-навсего советует Вашингтону заставить Китай направить острие своей обороны против России, т.к. никого достойного стратегического соперника у Китая на севере Азии, кроме России, нет. Тем самым, восстанавливается “историческая”, а значит и традиционная вражду двух стран. Обращает внимание, сколь похожи эти рассуждения на “умозаключения” А.Д. Богатурова.

Российская тема в контексте отношения США с КНР углублена другим участником диспута - Шерманом Гарнетом (Фонд Карнеги). В его выступлении также можно найти немало оригинальных суждений. Так, Гарнет крайне скептически относится к возможности формирования китайско-русского стратегического альянса в будущем, что, естественно, не исключает наличия взаимных интересов между странами. Интерес России к КНР, по его мнению, вызван не антинаатовскими или антизападными настроениями, а опять же исторической традицией, военными перипетиями, а главное, нынешней слабостью России в Азии. Пекин же исходит из чисто прагматических

интересов, закрученных на трех темах: решение территориальных проблем, подключение к российским энергоресурсам и к возможностям импортировать оружие.

Территориальные проблемы практически решены, остаются последние две темы. Что касается энергоресурсов, то сотрудничество в этой области не может оторвать Россию и КНР от Запада по той простой причине, что реализация всех этих газонефтяных проектов не возможна без капиталов и технологий США и Японии, а также других развитых государств. Некоторый эффект на скрепление “стратегического партнерства” могут оказать продолжающиеся поставки вооружений Китаю. В целом же это партнерство будет иметь двусмысленный характер, поскольку сохраняется тенденция ослабления мощи России при усилении мощи Китая. То есть Россия может занимать только роль “младшего партнера” в данной связке, на что Москва даже по психологическим мотивам согласиться не сможет. Кстати, другой ученый, Т. Робинсон, обращает внимание на то, что Россия впервые за 150 лет оказалась слабее Китая. Он, естественно, имеет в виду, экономические потенциалы двух государств.

Слабость “стратегического партнерства” Гарнет видит и в том, что Россия фактически не в состоянии выполнить ни одного взятого на себя обязательства ни по одной из проблем, которые затрагивают стратегические интересы сторон. А посему, делает вывод американский ученый, российско-китайские отношения “не должны особо беспокоить Соединенные Штаты, т.к. Россия продолжает оставаться державой, сила которой в Азии продолжает уменьшаться”.

Иного взгляда придерживается уже упоминавшийся Т. Робинсон. Он как раз с озабоченностью констатирует факт снижения внимания к связке “Россия-Китай” у политиков и даже у научной элиты США. Он согласен, что в краткосрочной перспективе действительно эти отношения существенно не повлияют на характер политики КНР и США. Однако в долгосрочной перспективе вследствие неизбежных изменений внутри России и Китая эта связка может кардинально видоизменить глобальную конфигурацию в системе международных отношений.

Тем не менее, в общих рекомендациях этого сборника подчеркивается: в настоящее время “китайско-российское стратегическое партнерство в 21 веке” не угрожает интересам США. “Эти связи носят тактический, а не стратегический характер”. “Однако они могут усложнить отношения Вашингтона с обеими странами и представлять угрозу интересам США, если не осуществлять правильную дипломатию”.

Заслуживает внимания анализ роли КНР в мире учеными из “Рэнд Корпорэйшн”, мнения которых высоко оценивается как политиками-практиками, так и американской научной элитой (достаточно напомнить имя Фрэнсиса Фукуямы). В одной из работ этого Фонда описаны сценарии мировых конфликтов в XXI веке, одним из инициаторов которых может стать “шовинистический Китай”[xvii]. Авторы главы о Китае[xviii] утверждают, что тайваньская проблема может привести к “конфронтации и даже к военному конфликту с США и, возможно, с Японией” (р. 75). К такому выводу их подталкивает китайская военная доктрина, включающая в себя концепции “локальных или ограниченных войн на основе высоких технологий” и “активной периферийной обороны” (р. 81). Хотя в ближайшей и среднесрочной перспективе (5–10 лет) военный потенциал Китая, несмотря на его модернизацию, не изменит стратегический баланс сил в СВА, в будущем ситуация может измениться в пользу КНР (р. 82). Спровоцировать конфликт могут и тайваньские лидеры, если вздумают провозгласить курс на “тайванизацию” (т.е. независимость Тайваня как суверенного государства). В таком случае “Пекин неизбежно использует военную силу против Тайваня” (р. 85). Аналогичную провокаторскую роль могут сыграть и США, если они вернуться к политике “двух Китаев”, увеличат поставки наступательного и оборонительного оружия, включая систему ПРО (р. 87). Короче говоря, в кратковременной перспективе (2000 - 2005 гг.) авторы ожидают обострение кризиса вокруг Тайваня.

В среднесрочной перспективе (2006–2015 гг.) допускается возникновение конфликтной ситуации между Россией и КНР вследствие миграции китайцев в районы Российского Дальнего Востока и Сибири (р. 91–92).

В долгосрочной перспективе (2016 - 2025 гг.) ожидаются конфликты из-за островов Спратли и трения вокруг Малаккского пролива.

Из всех трех сценариев наиболее опасным для США является первый, поскольку только он вовлекает Вашингтон в непосредственную военную конфронтацию с Пекином. Вывод авторов не трудно предугадать: надо вовлечь Китай в орбиту американской стратегии, заставив тем самым Пекин “играть по нашим правилам”.

Ученых из Фонда наследия, крайне идеологизированных на консервативной почве, отличает прямота и однозначность. Такая позиция ни в коем случае не принижает их научных качеств. Все они профессионалы высшей пробы, каждый в своей области.

Обычно Фонд публикует свои рекомендации в виде сборников каждый год под различными названиями. Эти сборники предназначены для действующих политиков высокого ранга вплоть до президента. Один из последних сборников специально посвящен Китаю[xix].

Прежде всего, они исходят из базисного тезиса: “Поскольку мощь Китая усиливается, то по всей вероятности приоритеты Пекина приведут к конфронтации с Соединенными Штатами”. Из этой посылки должна выстраиваться стратегия США в отношении КНР. Она состоит из ряда блоков, содержащих подробные рекомендации для политиков.

В блоке экономики главным требованием является интегрирование Китая в глобальную экономику. Это означает предоставление КНР членства в ВТО; аннулирование поправки Джексона-Веника в обмен на уступки со стороны Пекина (имеется в виду уступки в области прав человека).

Военный блок: категорически рекомендуется предотвратить нарушение нынешнего баланса сил в Азии в пользу Китая. В то же время выдвигается требование о взаимовыгодном сотрудничестве между Пентагоном и НОАК. Последнее расшифровывается как необходимость со стороны Пекина сделать доступным и открытым информацию о вооруженных силах и военных доктринах КНР. Иначе, сотрудничество между военными ведомствами должно быть сокращено. Один пункт данного блока гласит: “Предупредить Россию, Израиль и Европу об опасности вооружения Китая”. Другими словами, чтобы названные государства прекратили продажу оружия КНР.

Между прочим, в другом документе Фонда - Проблемы 1998 г.[xx], в аналогичном блоке утверждается необходимость “поддерживать превосходство ВВС США в Азии и дислоцировать там F-22” (р. 418).

В блоках по правам человека и внутренней политике Китая рекомендуется оказывать воздействие на Пекин в целях масштабного реформирования политической системы страны и стимулирования рыночной экономики. В Проблемах 1998 г. правительству США прямо указывается: “Содействуй экспансии частного сектора в Китае как средство уменьшения правительственного контроля” (р. 421).

Авторы Проблем 1998 г. подготовили на всякий случай ответ и на такой вопрос: является ли Китай врагом или угрозой Соединенным Штатам? Ответ: “Китай не является врагом Соединенных Штатов в том смысле, каковым был Советский Союз. ...Однако действия Пекина могут угрожать интересам США, даже если Китай и не будет восприниматься как враг. Само собой разумеется, что Соединенные Штаты сохраняют военное превосходство в Азии, чтобы предотвратить агрессию и разместить систему ПРО в целях защиты Америки и ее союзников против увеличивающейся угрозы ракетных атак. Соединенные Штаты должны остановить передачу Китаем технологии и оружия, т.к. они несут опасность интересам США в регионах типа Ближнего Востока. Если Китай станет экспансионистским, США обязаны будут сдерживать его; но до этого они должны отвратить Китай от такого пути” (р. 421-422).

В целом же сотрудники Фонда наследия, как и ученые Университета национальной обороны, требуют от нынешней администрации отказа от политики “вовлеченности”, тем более “мягкой вовлеченности”, предлагая взамен принять на вооружение концепцию “вовлеченности и сдерживания”, которая, на их взгляд, сможет более эффективно нейтрализовать негативные аспекты возвышения КНР на мировой арене.

Из всего рассказанного следует, во-первых, что США допускают вероятность превращения КНР в сверхдержаву. Во-вторых, такой статус Китая несет угрозу безопасности США не только в районе Восточной Азии, но и на других участках мировой политики, например, на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. В-третьих, нынешняя официальная политика “вовлеченности” Китая в мировую стратегию США должна быть дополнена политикой “сдерживания”, прежде всего в вопросах военной безопасности. В-четвертых, США должны более энергично вторгаться во внутренние аспекты политики Китая с целью изменить социалистический характер общества в пользу рынка и демократии, т.е. в пользу капитализма. (Эта тема здесь затронута вскользь, но американцы ей придают ничуть не меньшее значение, чем внешнеполитическим аспектам китайской политики).

Суммируя, можно сказать, что США всеми имеющимися у них средствами будут стремиться тормозить процесс превращения Китая в сверхдержаву, иначе говоря, в самостоятельный центр мировой политики глобального масштаба с тем, чтобы сохранить за собой статус единоличного лидера-гегемона.

Под силу ли американцам такая задача, покажет будущее. По крайней мере, большинство ученых остерегаются отвечать на этот вопрос, ссылаясь на массу переменных в этом большом прогностическом уравнении. Я же рискну это сделать, опираясь на некоторые закономерности международных отношений, в которые я, в отличие от американцев, верю, поскольку некоторые из них сам же и формулирую.

Что век грядущий нам готовит?

Для начала просто напомню, что Китай уже был сверхдержавой. Я имею в виду подзабытый многими факт о том, что в 1750 г., если придерживаться современной терминологии, на страны Третьего мира (в то время это были в основном Китай и Индия) приходилось 73% промышленного производства, а на государства Западной Европы (около 20 стран без России и Восточной Европы) - чуть более 20%. В 1830 г. соотношение хотя и изменилось, но не столь значительно: 60 и 30%[xxi].

Несмотря на подобную сверхдержавность, Китай не представлял угроз ни для одной страны мира, т.е. Китай не проводил гегемонистской политики. После колонизации Китая руководители страны в основном отбивались от великих держав, упорно борясь за независимость своей страны, которую и добились в 1949 г. Те военные конфликты, в которые был вовлечен Китай в конце 60-х и в конце 70-х годов, носили погранично локальный характер и не имели в своей основе стратегической направленности. Был момент, когда маодзедуновский Китай пытался распространить в мире идеологию маоизма, однако эта политика практически была прекращена при самом Мао Дзэдуне.

В нынешних же доктринах национальных интересов и безопасности Китая, сформулированных под воздействием взглядов Дэн Сяопина, отсутствуют как претензии на мировую гегемонию в геостратегическом плане, так и намерения распространять опыт Китая или "китайские ценности" по всему миру. КНР, в отличие, скажем, от тех же США, не стремится расширить свое "жизненное пространство" (lebensraum) ни в экономическом, ни в военно-политическом смыслах. Все спорные проблемы, включая территориальные, Китай предлагает решать за столом переговоров, а не с помощью военной силы. Примером таких успешных переговоров служат, кстати, и договоренности по границам с Россией. Все это естественно, поскольку главной стратегической задачей КНР, нацеленной вплоть до середины следующего века, является экономическое развитие страны и доведение жизненного уровня своих граждан до среднемировых показателей.

Все это означает, что понятие “сверхдержавности” и “гегемонии” не обязательно должны совпадать, они не являются синонимами. Таковыми они предстают только в капиталистической системе координат, поскольку эта система по своей природе построена на праве сильного. Нынешняя агрессивная политика США - это не прихоть Клинтона или других лидеров стран НАТО, бомбардирующих беззащитную Югославию. Это закономерное проявление сути капитализма, который готов уничтожить любого противника, выступающего против его сторонников.

Американцев не устраивает сверхдержавность КНР и по другой причине. Она простая. Китай, несмотря на капитализацию его экономики, все-таки является социалистическим государством. И если это государство станет таким же сильным как Америка, это опровергнет идеологические установки всего капиталистического мира. Опровергнет их аксиому, что, дескать, только капитализм, только “демократические ценности” являются основой для успешного развития. Пример поражения социализма в СССР явно померкнет на фоне успехов экономического развития в КНР. И этот момент беспокоит Запад, прежде всего США, в значительно большей степени, чем военные программы Пекина. Именно поэтому американские ученые требуют от Вашингтона активнее вмешиваться во внутренние дела Китая с тем, чтобы подтолкнуть его руководство к “демократическим” преобразованиям на западный манер.

Если допустить, что Пекин пойдет у них на поводу, то можно ожидать два исхода. Один - успех капитализации=демократизации надстройки. Тогда “сверхдержавность” Китая не так будет страшна, поскольку можно будет утверждать, что она стала возможной благодаря усвоением китайским обществом западных ценностей в надстройке и в базисе. Второй исход, вероятный на 100%, - разрушение Китая. За аналогией ходить далеко не надо. Россия перед глазами. Это самый желательный вариант для США и всего Запада. В этом случае их теоретики будут говорить и писать о том, что дело не в “ценностях”, а в том, что китайские руководители слишком осторожно внедряли эти ценности в китайское общество. Короче, приведут весь набор аргументов, которыми они объясняют неудачи капиталистических реформ в России.

Китайское руководство прекрасно отдает себе отчет в пагубности “западных ценностей” для своей страны. Отсюда весьма жесткое противодействие собственным прокапиталистическим диссидентам. Отсюда же жесткая реакция на давление со стороны любителей “прав человека” в США.

Подчеркиваю еще раз. Успех социалистического Китая в деле превращения в сверхдержаву явится самым большим ударом по капиталистическому Западу.

Теперь о теории многополярности. Официальный Пекин стремится к многополярности, обозначая нынешнюю систему международных отношений как доминирование “одной сверхдержавы с множеством других сил”[xxii]. В своей практической политике, и в этом американцы правы, Китай стремится по возможности утвердить или усилить различные полюса или потенциальные центры силы. В Пекине, видимо, убеждены, что многополярная система, с одной стороны, умаляет значение глобального гегемона, т.е. США, с другой - создает благоприятную международную обстановку, в которой царит мир и справедливость.

В таком подходе кроется, на мой взгляд, стратегическая ошибка. История международных отношений свидетельствует о том, что многополярность является самой неустойчивой системой, в рамках которой происходит больше всего войн и конфликтов. Этот тезис можно было бы подтвердить историей Европы на протяжении десятка веков. На этот тезис работает и история конца XIX - начала XX века. В этот период, пока центры империалистической силы (Англия, Франция, Германия, США и Россия) бились за колонии за пределами своих государств, они находили точки соприкосновения для сотрудничества в самой Европе. Но как только периферия была поделена на сферы влияния, все их внимание сконцентрировалось на Европе, в которой сохранялись недоделённые зоны влияния (проливы, Балканы, Саарская область, части Польши и Украины и т.д.). Вся система многополярности начала рушиться в пользу блоковости в преддверии грандиозной схватки.

Теоретически многополярная система может быть устойчивой при равных силовых возможностях центров. Но в соответствии с законом неравномерного развития государств практически такого идеального состояния быть не может. Обязательно кто-то вырывается вперед. И тут начинает работать закон силы, который гласит: как только государство достигает уровня экономической мощи и военного потенциала, адекватного мощи и потенциала ведущих государств мира, оно требует для себя нового статуса, означающего на деле соответствующей доли сфер мирового влияния. Поскольку старые великие державы обычно противятся подобным требованиям, то приобретение такой сферы влияния обычно возможно только путем разрушения

старой структуры взаимоотношений, включая и соответствующую ей систему безопасности.

Необходимо подчеркнуть, что этот закон работает в системе капитализма. Он прерывает свое действие в системе мирового социализма. Но поскольку до мирового социализма нам пока далеко, то под его действие попадают и социалистические государства, хотя, как говорится, не по своей воле. Все войны, которые вел Советский Союз, были навязаны ему капиталистическими государствами.

Теперь вернемся к Китаю. Хотят того в Пекине, или не хотят, но Китай в перспективе обречен на конфронтацию с США. И к этому его будут толкать сами американцы, зачастую и не желая этого.

Нынешняя Америка, упоенная своим могуществом, не раздумывая, идет на любые акции давления даже с применением военной силы в отношении любой страны, которая, по мнению Вашингтона, ущемляет национальную безопасность США. При этом надо иметь в виду, что зона национальной безопасности этой державы распространяется на весь земной шар. Подобными акциями Вашингтон сам возвращает антиамериканские настроения по всему миру, стимулируя тем самым формирование антиамериканского блока. В силу закона неравномерного развития государств Китай становится лидером этого блока. Очевидно, что к нему присоединятся не только страны Третьего мира и некоторые страны Ближнего Востока и Южной Азии, но и страны, обиженные США, или по иным соображениям, например, геостратегического характера.

Так или иначе, но этот антиамериканский блок, который, скорее всего, начнет формироваться во второй четверти следующего века, превзойдет по совокупному экономическому потенциалу западный блок, возглавляемый США. В военном же отношении он достигнет стратегического паритета. В результате к середине XXI века восстановится системная биполярность.

Конфронтация между блоками не обязательно должна вести к военному столкновению (т.е. к мировой войне), хотя локальные войны не исключены. Конфронтация, скорее всего, будет происходить на экономических и политических фронтах, и выиграет ее тот блок, экономика которой окажется исторически перспективной.

Другими словами, структура системы международных отношений будет меняться от нынешней однополюсности через кратковременную многополярность к системной и довольно длительной биполярности. Я сознательно не обозначаю временные рамки структурных фаз, поскольку они могут существенно поменяться в результате смены нынешней общественно-политической системы в России.

Общий вывод: Китай, вне зависимости от его нынешних отношений с Западом, в том числе и с США, обречен возглавить антиамериканский фронт не только в результате превращения в сверхдержаву, но в немалой степени и “благодаря” тем же американцам.

Опубликовано в “Азия и Африка сегодня” 1999, № 10 под названием “Вызов Пекина и ответ Вашингтона”.

[i] В краткой форме эта теория и ее критика (У. Гольдфранк) изложена в статьях: George Modelski. THE EVOLUTION OF GLOBAL POLITICS. - Journal of World-Systems Research, 1995, Volume 1, Number 7; Terry Boswell. Hegemony and Bifurcation Points in World History. - Journal of World-Systems Research, 1995, Volume 1, Number 15; W. L. Goldfrank. BEYOND CYCLES OF HEGEMONY: ECONOMIC, SOCIAL, AND MILITARY FACTORS. - Journal of World-Systems Research. Volume 1, Number 8, 1995.

[ii] Надо иметь в виду, что встречаются взгляды (например, выраженные С. Роговым), в соответствии с которыми многополярность трактуется как регионально-экономические центры или экономико-интеграционные зоны. Это совершенно иной срез анализа, вскрывающий макроэкономические процессы в системе мировых хозяйственных связей. У нас же речь идет совсем о другом.

[iii] Нижеприведенные данные, за исключением специально оговоренных, почерпнуты из: Beijing Review, 1998, № 52, December 23–29.

[iv] Beijing Review, № 15, Apr. 12-18, 1999.

[v] А. Н. Анисимов. PAX AMERICANA НЕ СОСТОИТСЯ. - Национальные интересы, 1998, № 1, с.42.

[vi] Colm Foy and Angus Maddison. China: a world economic leader? – Observer, #215, January 1999. - Internet. Подр. о прогнозах экономического развития КНР см.: Angus Maddison. Chinese Economic Performance in the Long Run. OECD, 1998.

[vii] The Economist, October 24th 1998, p. 23.

[viii] Некоторые считают, что именно в рамках АТЭС будет происходить экономическая интеграция. Я полагаю, что эта концепция в принципе не реализуема, точно так же, как и уже забытая концепция Тихоокеанского сообщества. Во-первых, уже само словосочетание “открытый регионализм” - этот нонсенс. Регионализм - не может быть открытым, иначе он не “регионализм”. Во-вторых, невозможна подлинная экономическая интеграция стран, расположенных на таких удаленных друг от друга громадных расстояниях, разделенных к тому же водными пространствами. Если, конечно, не путать понятие экономической интеграции с понятием экономической глобализации (или интернационализации).

[ix] Подр. см.: О. Арин. Азиатско-тихоокеанский регион: мифы, иллюзии и реальность. М., 1997, с.290-313; его же, Восходящий Китай: стратегия безопасности КНР и место России во внешней политике Пекина. - НГ-Сценарии, №2, февраль 1999, с. 15. Chinese Views of Future Warfare./ Collection by M.Pillsbury. Institute for National Strategic Studies, 1997. - Internet.

[x] See: David Paul Benjamin. SEA POWER IN SOUTHEAST ASIA. USA, 1996. - Internet. Swaine Michail D. The Role of the Chinese Military in National Security Policymaking.Rand, 1998. – Internet.

[xi] Подр. см. Exploring U.S.Missile Defense. Requirements in 2010:What are the Policy and Technology Challenges? Wash.:IFPA, April 1997. - Internet.

[xii] А.Д. Богатуров. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945–1995). М., 1997, р. 294, 285.

[xiii] А. Яковлев. Россия и Китай в строительстве нового мирового порядка. - ПДВ, 1998, №6.

[xiv] Официальная позиция Вашингтона относительно роли Китая в стратегии США изложена мной в работе: Стратегические перспективы России в Восточной Азии. М.:МГИМО, 1999.

[xv] Strategic Assesment, 1997. Wash.:NDU, 1997. – Internet.

[xvi] Strategic Trends in China. Ed. by Hans Binnendijk and Ronald N.Montaperto. NDY/INSS, 1998. - Internet.

[xvii] Sources of Conflict in the 21st Century. Regional Futures and U.S.Strategy. Ed. by Zalmay Khalilsad and Ian O. Lesser. Rand, 1998.

[xviii] В этой главе фактически излагаются взгляды Майкла Свэйна из его последней работы. См.: Swaine Michail D. The Role of the Chinese Military in National Security Policymaking. Rand, 1998.

[xix] Between Diplomacy and Deterrence. Strategies for U.S. Relations with China. Ed.by Kim R. Holmes & James J. Przystup. HF, 1997. - Internet.

[xx] Issues'98. The Candidate's Briefing Book. Ed. by Stuart M. Buttler and Kim R. Holmes. The Heritage Foundation. Wash., D.C., 1998.

[xxi] The Economist (The Global Economy) October 1st 1994, p. 9.

[xxii] См. Beijing Review, #9-10, March 1–14, 1999. – Internet.